

В этом номере «Вестей» мы начинаем публикацию о самом болезненном в отношениях между Россией и Японией вопросе, касающемся Южных Курил, которые японцы называют Северными территориями.

По итогам Второй Мировой войны страны-победительницы перекроили географические карты Германии и Японии. Некоторые японские ученые до сих пор склонны применять термин не «Вторая Мировая война», а «Тихоокеанская». Уже третье, послевоенное поколение японцев выросло на убеждении, что Советский Союз (Россия) незаконно отторг у них Южные Курилы (Северные территории). В Стране Восходящего солнца даже сформировалось целое общественно-политическое движение за возвращение Северных территорий. Проигравшая войну Япония, разбитая и униженная, особенно болезненно отнеслась к тому, с каким пренебрежением советское правительство проигнорировало послевоенные аргументы японцев при разделе Курильских островов, учитывая, что последние не нападали на Советский Союз (т.е. не являлись по отношению к нему агрессором).

К окончанию Второй мировой войны (2 сентября 1945 года) японцы уже более семидесяти лет безраздельно владели Южными Курилами и чуть более сорока лет – Северными. Подобная потеря лица для японцев была, в принципе, неприемлема, поэтому главным вопросом советско-японских, а затем и российско-японских отношений встал вопрос о возвращении Северных территорий японцам.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ

РОССИЯ – ЯПОНИЯ: ВОПРОС «СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ» – НАЧАЛО.

Документальные свидетельства, записки и дневники участников непосредственных событий XVIII-XIX веков показывают, что территориальная проблема между Россией и Японией возникла не сразу и не в XX веке, она не является прямым итогом Второй мировой войны. Эта проблема имеет более глубокие корни, уходящие в историю развития и становления самой Японии, японского отношения к айнам (коренному населению оспариваемых земель). Размеры территории, «подлежащей возвращению», трактуются японскими жителями двояко. В узком смысле в «северные территории» включаются южная часть Большой Курильской гряды –

о. Кунашир (Кунасири),

о. Пико или Ловцова (Бэнтен) и о. Итуруп (Эторофу) с прилегающими островами Лебеда и Камень-Лев (Моэкэси), все острова Малой Курильской гряды – о. Шикотан, или о. Шпанберга (Сикотан), с прилегающими островами Девятый вал, Дальние скалы и о. Грига (Осима), а также Плоские острова (Хабомаи) – о. Сигнальный (Кайгара) с о-вом Сторожевой (Томосири) и островом-скалой Осыхающая (Одока), о. Танфильева (Суйсе), о. Юрий (Юри) с о-вами Демина (Харукври-Мосири),

о. ск. Удивительная (Ханара), о. Анучина (Акиюри), о. Зеленый (Сибоцу) и о. Полонского (Тараку) с о-вами Лисьи (Кабуто и Тодо), Шишки или Шашки (Кабу и Канакусю). По протяженности южная часть Курил составляет треть, а по общей площади – около половины (почти 5 тысяч километров) площади всех Курильских островов (10, 6 тысяч квадратных километров). В широком смысле в «северные территории» включаются также все остальные Курильские острова и южная часть

о. Сахалин. Первой из этих двух точек зрения придерживаются официальные круги Японии и их сторонники. Второй – крайне правые, националистически настроенные

круги.

В системе русско-японских отношений XVIII-XIX веков Южный Сахалин и Южные Курильские острова рассматривались как часть земель, переданных княжеству Мацумаэ японским правительством в 1590-1604 годах в оперативное управление как часть буферной зоны, включающей и остров Хоккайдо (Табата Х. «Современное положение изучения истории севера Японии». Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1993. № 4, С. 87). Под буферной зоной понимается территория, официально не включенная в состав какого-либо государства, но имеющая определенную политическую, экономическую и социальную зависимость (от государства или государств) в виде сложившихся устойчивых отношений властных структур внешних государств к населению, его укладу жизни; психологическое, политическое и экономическое господство одного или нескольких государств над народом, населяющим зависимую территорию, использующего (использующих) указанную территорию как буфер для смягчения воздействия сторонних сил на собственное государство либо для осуществления контроля за возможным проникновением других сил на свою территорию. [Черевко К. Е. «Зарождение русско-японских отношений. 17-19 века». М.: Наука, 1999. С. 141)

Наличие буферной зоны объясняет то, что в период самоизоляции Японии на территориях Южного Сахалина, Южных Курильских островов велись активные товарообменные операции и торговля, а Южный Сахалин служил промежуточным местом прохождения товаров из Китая в Японию и наоборот.

Термин «северные территории», используемый в Японии, имеет более узкое и политическое содержание, демонстрируя притязания Японии на территории Российской Федерации.

Границы нашего государства с Японией формировались сначала в досоветский, а затем в советский период. Каждый из них состоял из двух этапов. Первый этап досоветского периода характеризуется открытием, изучением и первоначальным освоением русскими Сахалина и Курильских островов, а второй – вытеснением русских из этих районов в результате расширения территории Японии. До первой половины 90-х годов XVIII века происходило непосредственное сближение границ России и Японии в районе Сахалина и Курильских островов. Рамки газетной статьи не позволяют проследить удивительную историю соперничества российских и японских историков в стремлении доказать принадлежность «северных территорий» своему государству. Но все же необходимо отметить, что в среде японских историков как XVIII, так и XX веков, немало тех, кто считал, что эти земли в тот период Японии не принадлежали. Источники свидетельствуют о том, что в начале XVIII века у японцев были весьма туманные представления о «северных территориях» (Кодзики. «Запись о деяниях древности». Перевод В. Черевко. Восточный альманах. Вып.2. «Дневная звезда». М.: 1974; Черевко К.Е. к вопросу об изучении «Кодзики» (запись о делах древности) Письменные памятники Востока. Ежегодник. – 1977 г.) Но и Россия еще не имела полной ясности о принадлежности Южных Курил, и не было возможности определить степень японского влияния на эти земли.

После разрешения экспедиций к «мохнатым курильцам» (южным айнам) по указу Сената 1761 года, Россия начинает активное исследование и освоение южных районов этих островных территорий. А первая японская экспедиция для исследования Курильских островов была снаряжена в 1785 году. Возглавлявший экспедицию правительственный

чиновник Могами Токунай побывал на Кунашире, а затем на Итуруп, где встретил проживавших там русских. Русские к тому времени имели постоянные поселения на островах Шумшу и Утуруп. Поселок на Уруп появился в 1775 году по инициативе Г.И. Шелихова, который отправил туда несколько крестьянских семей – «ибо там было и есть мое намерение завести помаленьку Русь» (Власов С.А. «Краткая история российского Дальнего Востока». Уч. пособие по истории для учащихся общеобразовательных школ, гимназий, лицеев и высших учебных заведений». – Владивосток, 202. -104 с. С.26]. С появлением в конце XVIII века на Южных Курилах японцев началось негласное соперничество двух стран за острова. Россия стремилась наладить с Японией дружественные отношения, и с этой целью в 1792 году в Страну Восходящего солнца была отправлена экспедиция Адама Лаксмана, которой многого добиться не удалось. Японцы дали разрешение на приход в Нагасаки только одного русского торгового судна в год. Между тем Япония предпринимает шаги по закреплению Южных Курил как своих владений.

Немалую роль в формировании подозрительности Японии к России и в пересмотре ее политики в отношении «северных территорий» сыграл ссыльный граф, поляк Мориц Беньовский. Попавший в плен к русским в 1770 году, он был сослан на Камчатку на вечное поселение. Однако, используя недовольство местных моряков притеснениями командиров, он сумел организовать бунт и захват судна. Загрузив галиот «Святой Петр» пушками, ядрами, ружьями, запасами пушнины и похищенных денег, в июле 1771 года они подошли к японскому острову Сикоку. Там Беньовский передал через местных жителей письмо голландцам, в котором сообщал, что русские готовятся к нападению на японские территории и с этой целью построили крепость на одном из Курильских островов, ближе к Камчатке, и заготавливают там провиант и снаряжение для начала военных действий (Черевко К.Е. «Зарождение русско-японских отношений XVII-XIX века». М.: Наука, 1999 . – 256 с. С. 105-106).

После этого Япония начинает предпринимать меры по формированию японо-русской границы и переориентации военной политики с оборонительной на наступательную. Ориентировочно в 1796 году японцы обосновали свои казармы и поселили чиновников в Анивском заливе острова Сахалин. В 1799 году Япония предпринимает решительные меры по проведению новой социальной политики в отношении айнов, вовлекают населенные ими земли в хозяйственный оборот и устанавливают государственный контроль.

В 1800 году на острове Итуруп появляются солдаты, возводится небольшая крепость. Японцы низвергают русские православные кресты и ставят знаки, обозначающие присоединение острова к Японии. Айнов принуждают менять свои имена на японские, японцы считали их варварами и использовали в качестве бесплатной рабочей силы. В 1802 году на Хоккайдо, в порту Хакодате, была учреждена особая канцелярия по колонизации Южных Курил и «просвещению айнов». С этого времени Итуруп стал изображаться на картах как японская территория, а все заселенные айнами территории, вплоть до Камчатки, рассматривались Страной восходящего солнца как японские (Елизарьев В.Н. «Южный Сахалин и Южно-Курильские острова в российско-японских отношениях: XVIII - сер. XIX вв.» Дисс. канд. ист. наук. – М.: РГБ, 2003 г. – 256 с. С. 103).

Россия, в свою очередь, в 1803 году в составе кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерна отправляет полномочного посла Николая Резанова, которому поручается

возобновить установленные Лаксманом торговые связи. В сентябре 1804 года он прибыл в Нагасаки, но лишь в марте 1805 года его приняли ко двору, но миссия успехом не увенчалась. Одни современники посольства считают, что причиной этому был непростой характер посла, который, несмотря на настоятельные рекомендации, отказался от соблюдения предписанных ему в Петербурге правил японского этикета. Другие указывают на то, что визит совпал с тяжелой ситуацией в стране, вызванной сильным землетрясением, и правительству было не до посла (Крузенштерн И.Ф. «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1976 - 391 с. С.152-156). Раздосадованный неудачей, Резанов без ведома российского правительства решает «отомстить» японцам, и по его приказу два русских судна «Юнона» и «Авось» в октябре 1806 года разгромили японские рыбацкие поселки на Южном Сахалине, взяв в плен четырех японцев. В мае 1807 года русские обстреляли остров Итуруп, а затем, высадив десант, взяли в плен несколько японских солдат. Командиры судов Н. Хвостов и В. Давыдов были арестованы за самовольство (Н. Резанов умер по дороге в Петербург в 1806 году)

Российско-Американская компания попыталась без санкции своего правительства силой удалить японцев с Сахалина и Курил. В такой ситуации японское правительство приняло в 1807 году решение воздержаться от претензий на Сахалин и Курильские острова к северу от острова Кунашир, в рекомендациях правительству японские чиновники предлагали ограничиться по границе Итурупа, а вопрос о Сахалине решать при дальнейшем изучении. Таким образом, 1807 год стал годом начала государственного размежевания между Россией и Японией. Японцы ожидали продолжения военных действий со стороны русских. Поскольку их не последовало (в результате ареста Н. Хвостова и В. Давыдова), в декабре 1808 года японцы снова занимают юг Сахалина, Кунашир и Итуруп отрядами вооруженных солдат. Вояж «Юноны» и «Авось» на многие десятилетия сформировал отношение Японии к России как государству, управляемому непредсказуемыми людьми. Это испытал на себе, ставший заложником действий Николая Резанова, В.М. Головнин, которого японцы хитростью заманили в плен. «Окидывая одним общим взглядом всю картину экспедиций Хвостова и Давыдова со всеми их причинами и следствиями, нельзя не видеть, что экспедиции эти имели огромное влияние на судьбы всех последующих отношений Японии к России, особенно потому, что тогда как в России память о них вполне исчезла в обществе и истории, в Японии, совершенно наоборот, они принимались в течение целого столетия за исходный пункт при всяком учете действий русских в отношении к стране» (Головнин В.М. «Записки Василия Михайловича Головнина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 и жизнеописание автора». Ч.1 – 3. СПб., 1851г.) Таким образом действия русских японцы не оставили без ответа. В 1811 году были захвачены в плен моряки шлюпа «Диана». Отныне японское правительство не желало вести официальные переговоры с Петербургом о торговле и границах. Раздражение, накопившееся у Японии из-за постепенного «поглощения» Россией Курильских островов, привело к принятию японцами мер по изоляции русских, проживавших на Урупе, по ограничению торговли с айнами и получению через них продовольствия, что привело к сворачиванию деятельности русского поселения на Урупе и выезду оставшихся на Камчатку. Негативное отношение к России, окончательно утвердившееся после 1807-1808 годов, породило создание антирусских течений,

пугавших японское население нависшей над ним смертельной опасностью со стороны северного соседа. Целый ряд исторических документов говорит о том, что в Японии реально готовились военные суда для нападения на Охотск, ведению боевых действий обучались солдаты и матросы. Японцы приступили к глубокому изучению России, как потенциального врага государства. В качестве реабилитации за понесенный «позор нации» японцы рассчитывали сделать Курильские острова опорными военными базами для колонизации Камчатки, Алеутских островов, Северной Америки (Кин. Дональд. «Японцы открывают Европу, 1720-1830» – 208 с. Пер. с англ.// М., 1972. С. 126-127) . Японский государственный деятель того времени Хори Тосихиро пояснял, что «Цисимский архипелаг (Курильские острова) имеет цену и значение нашего аванпоста крепости, а по богатству морскими и сухопутными продуктами острова эти являются перлом среди других островов империи, то земли эти представляются подлежащими необходимости колонизации в самом широком размере. Цисимская группа является источником нашего богатства» (Позднеев

Д. М. «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России». Т. II, ч. I : «Отношение к народам Маньчжурии и данные по истории Мацумазского клана», Д. М. Позднеев. – Токио: [б. и], 1909. – 184 с.). Именно эта фраза определила до настоящего времени политику борьбы Японии за возврат «северных территорий». Таким образом, борьба за Курильские острова со стороны Японии – это борьба не только за благополучие японского государства, но и за источник ее обогащения (Елизарьев В.Н. «Южный Сахалин и Южно-Курильские острова в российско-японских отношениях: XVIII - сер. XIX вв.». Дисс. канд. ист. наук. – М.: РГБ, 2003 г. – 256 с. С.146).

Отметим, что на государственном уровне и Россия, и Япония требовали от своих подданных в общении с «туземцами» одного и того же – лояльности, терпимости, отказа от насильственного насаждения своей веры и т.п. («Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке». Под ред. А.И. Андреева.- М.: ОГИЗ – 1948 – 382 с. С.267). Но отсутствие флота, достаточных запасов продовольствия и нужного материального снабжения, а также привычки и нравы русских поселенцев не вполне адекватные укладу жизни аборигенов, – все это негативно отражалось на взаимоотношениях с местным населением. Если бы у России в тот период времени была возможность устойчиво снабжать свои поселения на Камчатке, ее политика могла бы строиться на широком развитии торговли с айнами в буферной зоне, что постепенно вовлекло бы их в сферу российского влияния. Но отсутствие товаров и продовольствия на Камчатке делало попытки установления торговых отношений с аборигенами и с Японией несколько агрессивно-принудительными. Такая политика не позволила России закрепиться на Урупe – острове, ближайшем от территорий, которые Япония считала и продолжает считать своими, т.е. остров Итуруп, Кунашир, Шикотан и более мелкие острова Малой Курильской гряды, именуемые по международным соглашениям, как Хабомаи.

Поэтому российское правительство возложило задачу установления торговых отношений с Японией на Российско-Американскую компанию, которая держала фактории на Южном Сахалине и Курилах (Шумшу, Симушире, Урупe) и была заинтересована в связях с Японией, т.к. нуждалась в близко расположенных источниках снабжения продовольствием. В 1836, 1841, 1843 годах суда РАК ходили в район Южных Курил для установления отношений с японцами. Новый этап острейшей тактической

борьбы за владение буферной зоной между Россией и Японией начинается с открытия Г. И. Невельским для России пролива между Сахалином и материком и постепенного водворения русских на Сахалине.

После подтверждения Г. И. Невельским островного положения Сахалина в 1849 году Россия принимает срочные меры по закреплению и своих прав на эту территорию. В устье Амура, на его левом берегу был основан военный пост, названный Николаевским, где 1 августа 1850 года при оружейном салюте был поднят русский флаг. В марте 1853 года был поднят русский флаг на побережье залива Де Кастри, а в августе того же года был учрежден русский пост в Императорской гавани, основаны посты Ильинский и Муравьевский (г. Корсаков) на Сахалине. Начавшаяся в 1853 году война с Турцией, последующее вступление в войну Англии и Франции заставили Россию сосредоточить свои усилия на обороне дальневосточных владений.

К этому времени в правительственных кругах России сложилось понимание того, что необходимо как можно быстрее устанавливать дипломатические отношения с Японией, иначе она может попасть под влияние государств, враждебно настроенных к России (в частности Англии), что создаст ненужные проблемы. В октябре 1852 года в Японию была отправлена экспедиция вице-адмирала Ефимия Васильевича Путятина. В его задачу входило установить дипломатические и торговые связи между Россией и Японией, решить вопрос о принадлежности Сахалина и Курильских островов и определить постоянные границы между обеими державами. В инструкции МИД Путятину, одобренной императором Николаем I, указывалось, что «... два из островов Курильских, южнейший, России принадлежащий, есть остров Уруп, которым мы могли бы и ограничиться, назначив его последним пунктом российских владений, так что с нашей стороны, южная оконечность сего острова была (как и ныне она, в сущности, есть) границею с Япониею, а чтобы с японской стороны считалась северная оконечность Итурупа... и Вы можете объяснить им, что Уруп... считается границею наших владений в Курильских островах» (Преображенский А.А. «Первое русское посольство в Японию». Исторический архив. М. 1964, № 4). В августе 1853 года Путятин прибыл в Нагасаки, но первая официальная встреча русского посла и чиновников японского правительства состоялась лишь в январе 1854 года. Путятин прибыл в Японию спустя 5 недель после того, как американский командор Перри предъявил японскому правительству требования Президента США об открытии ряда портов Японии для свободной торговли с США. Перри отправился в Гонконг, дав японцам время на размышления о характере ответа до весны 1854 года. Перри придал своей миссии характер военной демонстрации. Он угрожал высадкой десанта с военных кораблей, если японцы откажутся принять послание президента. Действия Перри вызвали панику в правящих кругах Японии. В этой ситуации Е. Путятин был принят благожелательно. Японское правительство видело в России возможного союзника в случае военного столкновения с США. После нескольких официальных встреч переговоры были перенесены в порт Симода. Переговоры шли тяжело. Японская сторона стремилась доказать свои права на половину Сахалина, подтверждая их тем, что на этих территориях издавна жили айны, признававшие японское правительство. Однако эти аргументы японцы подтвердить не смогли и предложили разделить остров по 47 параллели, а Курильскую гряду оставить за Японией. Переговоры несколько раз заходили в тупик. Русский посол, в свою очередь, требовал, чтобы японцы признали за Россией Курильские острова и весь Сахалин, кроме бухты Анива, открытой для торговли

и промыслов. В свою очередь представитель сегуна заявил, что «урезанное владение Курильских островов подобно измене». После длительных дебатов Япония предложила, чтобы острова, начиная с Урупа и южнее, перешли к ней, а Симушир и остальные Северные острова – России. Наконец, 26 января (7 февраля) 1855 года был подписан первый русско-японский договор, согласно которому для торговли было открыто три порта: Симода, Хакодате и Нагасаки. Договор предусматривал право России иметь консула в Симодэ или в Хокодате, а также право экстерриториальности для русских подданных в Японии и соответственно для японских подданных в России. Это – первый договор об установлении мирных, дружественных отношений между Японией и Россией. Вопрос о границе был решен следующим образом: Уруп и все Курильские острова к северу от него оставались у России. Южные Курилы, включая Итуруп, Кунашир, Шикотан и гряды Хабомаи, отходили к Японии. Сахалин оставался неразделенным. Позднее, в марте 1867 года, было подписано временное соглашение о совместном владении Сахалином, где говорилось, что русские и японцы имеют право свободно передвигаться по острову, возводить постройки, заниматься промыслами.

Сообщение о подписании Симодского трактата было с большим удовлетворением встречено российским правительством. Русский император сразу же ратифицировал его. 25 ноября 1856 года в Симодэ состоялся обмен ратификационными грамотами и трактат вступил в силу (Синтаро Накумура. «Японцы и русские. Из истории контактов». – М.: Прогресс, 1983. С.174-176).

С заключением русско-японского трактата в 1855 году Россия сумела разорвать долговременное влияние Японии на буферную зону, создать условия для дальнейшей борьбы за присоединение Южного Сахалина и Южных Курильских островов к России.

Татьяна ВОРОБЬЕВА,
кандидат
исторических наук,
доцент, зав. кафедрой
экономических
и социально-гуманитарных наук
Петропавловск-Камчатского филиала
РАНХ иГС